

Глава 722: Аллея крови (Часть III)

Звери, которые были ранены до смерти, издавали странные и тихие вопли, потому что хотели удерживать свои голоса в горле настолько долго, насколько это возможно, не желая, чтобы кто-то еще услышал их слабость. Однако, после того, как его бедро было порезано, и он рухнул перед воротами Поместья Сюэ, Чжоу Тун наконец-то не смог сдерживаться и закричал жалким воем страдания.

Этот страдальческий вой закрыл собой встревоженный крик леди клана Сюэ, но он все еще был настолько ясным, что его слышали все присутствующие.

Юная леди почувствовала себя еще более радостной, а дворецкий клана Сюэ был так взволнован, что все его тело дрожало.

Но Мадам Сюэ, человек, который должен был проявить самую большую реакцию, все еще могла сохранять свое спокойствие, молча глядя на рухнувшую фигуру Чжоу Туна в снегу.

Перед Поместьем Сюэ было очень тихо, единственным звуком было тяжелое дыхание Чжоу Туна.

Через некоторое время Чжоу Тун выбрался из снега и продолжил ковылять вниз по улице, оставляя несколько кровавых следов.

Мо Юй подошла к каменным ступенькам и повернулась, кивая Мадам Сюэ в приветствии.

В последние несколько лет она и Сюэ Синчуань были двумя самыми популярными лицами двора Тяньхай, так что они, естественно, уже встречались раньше.

Мадам Сюэ очень искренне поклонилась ей, говоря: «Спасибо».

Мо Юй ничего не сказала, только кивая и продолжая следовать за Чжоу Туном.

Мадам Сюэ посмотрела на теплую красноту мрачного неба, думая о том дне. Она молча поблагодарила Чэнь Чаншэна, где бы он ни был.

С приходом конца правительства Тяньхай ее мужа превратили из преданного министра Династии Великой Чжоу в предателя, тогда как Чжоу Тун, который явно был предателем, стал ценным министром Династии Великой Чжоу.

Вне сомнений это было несправедливо, но в этом мире, в котором никто не отдавал дань уважения предателю, как можно было требовать правосудия?

В тот день в Ортодоксальной Академии она сказала, что ненавидела, что Чжоу Тун не был мертв. Она действительно ненавидела этот факт, ненавидела, пока не отчаялась. Эта ненависть пронзала ее до глубин костей.

В то время Чэнь Чаншэн ничего не сказал и не пытался утешить ее, он просто тихо смотрел на нее.

Когда он сопровождал ее из Ортодоксальной Академии, он попросил, чтобы она не покидала столицу.

Это было обещание.

Он убьет Чжоу Туна и даст ей увидеть это.

Поэтому Мадам Сюэ не вернулась в свой родной город, решив остаться в столице.

Она хотела лично увидеть это зрелище.

Сейчас она наконец-то увидела это.

С того времени, как Сюэ Синчуань был отравлен до смерти, и до выставления его трупа напоказ, до его похорон, она очень редко пускала слезы.

Но сейчас две струи горячих, даже жгучих, слез потекли с ее лица.

Она взглянула в последний раз на Чжоу Туна, отчаянно пытающегося выбраться из снега, и приказала своему дворецкому: «Закрой ворота».

Юная леди была немного шокирована. Она повисла на руке матери, неохотно говоря: «Мама, я все еще хочу посмотреть. Я еще не насмотрелась».

Видеть, как невыносимо высокомерный и экстраординарно могущественный, даже непобедимый враг превращается в бездомную собаку, избиваемую до посинения, каждый хотел бы этого, и для любого этого зрелища было бы мало.

«Достаточно».

Мадам Сюэ не знала, говорила ли она об этом деле или говорила со своей дочерью, но она, тем не менее, вернулась в поместье.

Врата медленно закрылись, блокируя множество воспоминаний снаружи.

.....

.....

Дорога Мира была покрыта снегом, снег был покрыт кровью.

Все больше и больше крови стекало с тела Чжоу Туна, даже делая яд намного более разбавленным, что позволило крови вернуть часть своего красного оттенка.

На теле Чжоу Туна появлялось все больше и больше ран, это была полная мешанина, пересекающая его жалкое тело.

Эти раны были причинены с изысканной внимательностью, были достаточно глубокими и были расположены в правильных местах, чтобы вызвать максимальную боль, но недостаточно, чтобы оборвать его жизнь.

Когда она атаковала, у Мо Юй не проявлялись эмоции на ее прекрасном лице. Благодаря ее полной апатии и окровавленному платью она казалась служителем бога смерти.

Проблеск меча иногда освещал мрачную улицу.

Чжоу Тун с трудом двигался вперед сквозь снег. Для него уже было невозможно стоять ровно, и он использовал руки вместе с ногами, чтобы хоть чуть-чуть продвинуться вперед. Он выглядел так, как будто мог потерять сознание в любой миг, и уже не мог стоять. Он более не

мог подавлять свою боль и страх, поддерживая молчаливое поведение старого волка. После каждого проблеска меча слышался жалобный вой.

Это было основательное унижение и пытка тела и разума, жестокое наказание, у которого, казалось, не было конца.

Это всегда было смертью от тысячи порезов.

Любой другой, даже кто-то с самой железной волей, вероятно, уже бы потерял всё. Даже если бы он не пресмыкался у ног врага, моля пощады, он по крайней мере подумал бы о любом возможном методе самоубийства. Но не Чжоу Тун, потому что он пытал и унижал слишком много людей за свою жизнь, причинил слишком много жестоких страданий невинным. Он видел самые темные и болезненные зрелища мира смертных, и у него были знания об истинном подземном царстве. Его сердце как камень было погружено в яд на семьдесят тысяч лет, каждый кусочек мха, растущего на нем, был воплощением греха. Даже если Мо Юй использовала самые жестокие методы, что вызывало дрожь ее тела и дуги, он никогда не уступит ни ей, ни судьбе. Перед тенью смерти он никогда не пойдет к ней по собственному желанию. Наоборот, он был подобен попрошайке с несравненным желанием окончательной победы.

Он думал, что если сможет выбраться из этой окровавленной аллеи, то выйдет победителем.

Чжоу Тун завыл в боли.

Сумерки углублялись, переходя в темноту. Звездного света, отражаемого снегом на Дороге Мира, было недостаточно, чтобы осветить этот мир.

По какой-то причине внезапный мрачный свет пал на тело Чжоу Туна, демонстрируя его ужасающие раны и видимые кости.

Далекий свет ламп не давал тепла, но Чжоу Тун вдруг почувствовал, что его тело согревается. Его зрение было серьезно повреждено в маленьком внутреннем дворике. Все было размытым, так что он мог получить только общее представление. Однако, он был полностью уверен, что этот свет излучался с его правой стороны, северной стороны Дороги Мира.

Это было поместье Имперского Наставника Чэна до того, как он ушел в отставку. В недавнее время могущественный принц забрал его, делая это место поместьем принца.

Чтобы проползти шестьдесят метров, ему потребовалась четверть часа страданий от боли тысячи порезов. Он наконец-то покинул пределы Поместья Сюэ и прибыл к этому месту.

Он терпеливо держался, потому что у него была надежда. С самого начала он возлагал надежды на это место.

Его зрение все еще было размытым, но его глаза стали ярче, как будто зажигаясь этой лампой.

У него все еще была кое-какая истинная эссенция, скрытая в глубочайших частях его меридианов. Насколько бы острым не был меч Мо Юй, и насколько коварными не были ее методы, он не тратил истинную эссенцию, потому что ее было недостаточно, чтобы сбежать из этой отчаянной ситуации.

Сейчас эта истинная эссенция, похожая на росу, начала зажигаться, из-за чего его тело прыгнуло из снега к этому свету!

Он прыгнул ко входу в поместье принца, совершенно лишаясь сил, и рухнул под каменными ступеньками.

«Я - Чжоу Тун! Принц Чжуншань, спаси меня!»

Он закричал, используя остатки своих сил.

Он ни разу не отчаивался. За бесчисленные годы он играл с сердцами тысяч в своей ладони, так что очень хорошо понимал, что ни Мо Юй, ни Чжэсю не позволят ему умереть на месте, особенно, так как у них был полный контроль над ситуацией. Если бы они сделали это, то не смогли бы выпустить все жестокость и желание мести, которое держали в глубинах своего сердца.

Это был его шанс, и он должен был воспользоваться им.

Он со злобой думал, что, даже если принцы хотели сделать вид, что не могут слышать его жалобные крики, как, возможно, они могут сказать, что не слышали его крики помощи? Для него было не очень тяжело произнести одно слово, но он не просто закричал 'спасите'. Он позвал именно принца, чтобы тот спас его, и даже назвал титул принца. Он сделал это, чтобы вынудить принца выйти.

Я Чжоу Тун, Министр Династии Великой Чжоу!

Меня вот-вот убьют!

Принц Чжуншань, пожалуйста, спаси меня!

.....

.....

В какой-то момент облака на небе собрались вместе, закрывая звезды и обваливая снег на землю.

Ворота поместья Принца Чжуншаня открылись, как и многие другие ворота по обеим сторонам Дороги Мира. Свет многих ламп появился в темноте, яркий и немного ослепительный свет.

Темная аллея преобразилась в реку серебра.

Чжоу Тун в этой реке более не мог сдерживать свои эмоции, и его лицо стало видно в свете, пока он безумно смеялся.

Несколько десятков экспертов, принадлежащих этим поместьям принцев, с воем ветра появились на улице.

Мо Юй вышла из падающего снега в нескольких метрах от Чжоу Туна.

Чжоу Тун смотрел на нее, на его окровавленном лице было жестокое и суровое выражение.

Как ты сможешь убить меня сейчас? Сейчас придет время для кого-то другого убить тебя.

Его глаза передавали его мысли с невероятной ясностью.

Мо Юй даже не взглянула на него.

Ветер дул на ее дворцовое платье, а снег падал на ее волосы.

Она осмотрела ярко зажженную Дорогу Мира, посмотрела на десять с лишним поместий принцев, а затем сказала: «Императрица причинила все виды вреда вам, но вы все получили по крайней мере одну услугу».

Эти слова предназначались тем принцам, которым еще предстояло появиться.

«Сыновья Императора Сяня все еще живы».

Лампы освещали ее лицо, увеличивая его красоту.

Но ее лицо все еще было холодным, а ее внешний вид был совершенно непоколебимым, выглядя немного похожим на лицо болезненного индивида.

«Никто не был оставлен; все вы все еще живы».

«Императрица была тем, кто позволил вам прожить до этой ночи».

«Сегодня я прошу всех вас вернуть эту услугу».

«Я хочу, чтобы он умер».

Снег медленно дрейфовал вниз, тихо, как и эта аллея.

Через некоторое время кто-то махнул рукой на свету.

Зрение Чжоу Туна было размытым, так что он не мог видеть внешний вид этого человека, только то, что он был одет в яркое желтое одеяние.

Ворота поместья Принца Чжуншаня не закрылись, но все люди, вышедшие из поместья, отступили назад.

Что здесь происходит?

Чжоу Тун находил все это абсурдным, думая, не боятся ли они разозлить почтенного мастера Дао?

Мо Юй шла за ним.

Страх снова окружил его тело.

Он задыхался и полз вперед.

На Дороге Мира было около десятка поместий принцев, а также клана Тяньхай и многих министров. Принц Чжуншань был безумным, но могли ли все другие быть безумными?

Он полз и полз и полз вперед, желая забраться в место, где заканчивался свет лампы.

Но когда он все еще был очень далеко, эта лампа потухла.

А поместье принца даже закрыло свои ворота.

Бум за бумом раздавались по улице, когда врата за вратами закрывались, когда лампы гасли одна за другой.

Темнота становилась глубже и глубже.

Чжоу Тун становился холоднее и холоднее.

Он полз по холодному снегу, окровавленной аллее. Его молчание и упорство возникали из его надежды, но сейчас они наконец-то стали... отчаянием.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/217386>